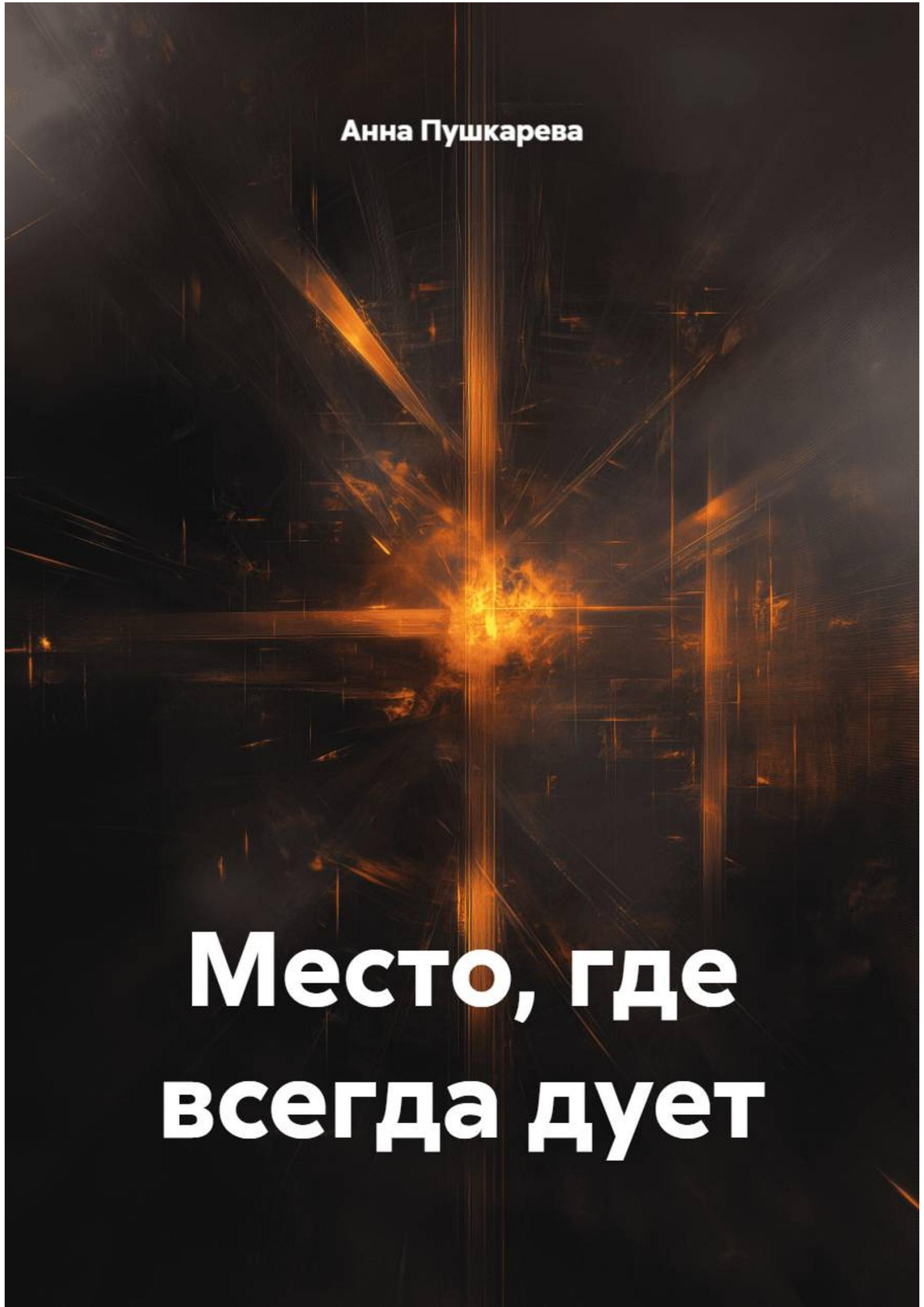

Анна Пушкарева

Место, где всегда дует

Анна Пушкарёва

Место, где всегда дуёт

«Автор»

2026

Пушкарёва А.

Место, где всегда дует / А. Пушкарёва — «Автор», 2026

Толкнув дверь, сразу обдало — не запахом, нет. Движением. Сквозняк пробежал по коридору, шевельнул бумажки на посту медсестры, тронул край занавески. Показалось, или он замедлился, проходя мимо? Как будто принюхивался. Жильцы говорили, он здесь живёт дольше, чем любой из них. И он не любит, когда его не замечают.— Здесь всегда дует, — сказала она, глядя в окно.— Откуда?— Оттуда, откуда все приходят. И куда уходят.

© Пушкарёва А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Анна Пушкарева

Место, где всегда дует

Глава 1

Толкнув дверь, сразу обдало — не запахом, нет. Движением. Сквозняк пробежал по коридору, шевельнул бумажки на посту медсестры, тронул край занавески. Показалось, или он замедлился, проходя мимо? Как будто принимался. Жильцы говорили, он здесь живёт дольше, чем любой из них. И он не любит, когда его не замечают.

— Здесь всегда дует, — сказала она, глядя в окно. — Откуда? — Оттуда, откуда все приходят. И куда уходят.

Пролог

Свинцовое небо обрушилось на город и придавило крыши небоскрёбов своей сырой массой. Казалось, протяни руку — и пальцы утонут в этой серой вате, липкой от невыплаканной влаги. Ветер, холодный и острый, вырезал узоры на щеках прохожих, завывал в переулках, где воздух пах железом водосточных труб и кисловатым дымом.

Стояла та самая осень, когда все делали вид, что кризис кончился, и осторожно начинали что-то новое. Новое, стабильное, правильное.

Правильное — это ключевое слово той осени. Все вокруг выбирали правильное: правильную работу, правильные связи, правильные слова. Правильную жизнь, в которой не было места черновикам. И она смотрела на это со стороны — как смотрят на чужой ремонт: вроде и обои хорошие, и люстра дорогая, а жить почему-то не хочется.

Вся её жизнь последних лет ощущалась именно так: бесконечная подготовка к чему-то главному, что всё откладывалось. Попытки, попытки, попытки — но холодильник не наполняется от вдохновения. Да и к чему ещё пробовать, если всё ясно без слов: либо в тебе горит то самое, либо иди туда, где платят за другое. Она давно выучила эту бухгалтерию наизусть — приход, расход, минус, минус, и в сухом остатке всё тот же круглый, аккуратный ноль. Муза не гасит кредиты, а огонь, если он настоящий, давно бы уже прожёл стену. Раз стены целы — значит, и огня нет. Значит, пора закрыть эту тетрадь.

Девушка сжала ключ в кармане так, что зубцы впились в ладонь. «Последний шанс». Эти слова звучали не как надежда, а как приговор. И всё же шаг вперёд был единственным возможным — даже если он вёл в никуда.

Деревья стояли чёрные, голые, будто обведённые тушью на фоне серого неба — ни одного просвета, ни одной щели, через которую мог бы пробиться свет. Только редкие фонари загорались вдоль улицы, но и они не разгоняли сумрак, а лишь делали его плотнее, будто кто-то капал в воду жёлтой краской, и она растекалась мутными пятнами, не смея стать светом.

Дождь усилился. Не ливень — мелкая, въедливая морось, которая не падает, а висит в воздухе, пропитывая всё насквозь.

Автобус, подошедший к остановке, был старше любого из его пассажиров. Когда-то ярко-синий корпус покрылся рыжими подтёками ржавчины, обнажавшими слои былых цветов — словно кольца на срезе дерева. Сквозь стёкла, расчерченные паутиной царапин, свет пробивался серо-жёлтым, окрашивая салон в цвета старой фотографии. Поручни, потёртые до матовости тысячами рук, хранили тепло тех, кого уже не было в этом городе, а может, и на этом свете.

Девушка прильнула лбом к прохладному стеклу, наблюдая, как мир расплывается в акварельных разводах: фонари превращались в золотистые кляксы, лужи отражали небо перевёрнутыми свинцовыми озёрами. Вдруг мизинец наткнулся на крошечную трещину в стекле — и

это неожиданное касание вызвало воспоминание. Тогда тоже шёл дождь, и она считала секунды до встречи с бабушкой... До того, как бабушка стала просто фотографией на полке.

Мысли поплыли дальше, вязкие, как эта осень. Она подумала о тех, к кому едет. Люди, с которыми она проведёт ближайшие месяцы, а может, и годы.

Она вспомнила карту, которую смотрела накануне, разложив на коленях в поезде. Метро — две пересадки, последняя станция, мимо гаражей, мимо гаражей, мимо гаражей, там ещё автобус — и вот. Почти область. Почти другой мир. «Далековато», — сказала ей по телефону женщина из отдела кадров, и в её голосе было что-то вроде извинения. «Но у нас спокойно. И коллектив хороший». Спокойно. Хороший коллектив. Ещё один правильный мир, в котором нет места черновикам.

Водитель, мужчина, сросшийся с потёртым креслом, как часть механизма, бросил в зеркало:

— Ваша остановка.

Она встала, и колено тут же нашло выступающий болт сиденья — тупая боль странным образом обрадовала её, напомнив детские синяки.

Первый шаг в лужу: вода просочилась сквозь микротрещину в левом ботинке. «Опять промокну», — подумала она и улыбнулась. В мире, где всё выдаётся напрокат, эта старая трещина была единственным по-настоящему её владением.

Особняк возник из тумана не сразу — сначала проступили верхушки елей, затем острый шпиль башенки, и лишь потом весь его тяжёлый, прекрасный и печальный силуэт. Ветер, уставший носиться по полям, застрял в аллее и тихо раскачивал чёрные сучья, будто перелистывая страницы забытой книги. Он же первым коснулся железной калитки, прежде чем та скрипнула под её рукой.

Скрип был таким старым, что, казалось, исходил из самого сердца этого места. Камни хрустели под ногами с таким звуком, будто она раздавливала чьи-то окаменевшие воспоминания. Девушка замерла перед дверью. Медная ручка, отполированная до блеска, сияла, как единственная живая точка на угасающем лице фасада.

Ветер стих на мгновение, затаившись за её спиной, будто тоже ждал. А потом рванул с новой силой и ударил в флюгер на башенке. На кованом петухе повисла капля. Она повисела, и порыв сбросил её вниз — прямо ей на щёку. Холодная. Она слизнула её с губ и почувствовала соль — как будто старый дом заплакал, предупреждая о чём-то.

Она сглотнула ком в горле. Повернула ручку и шагнула внутрь — в запах хлорки, антисептика, старческих тел и медленного времени.

Ветер с облегчением вздохнул в щель притвора и остался снаружи, бродя вокруг дома и постукивая ставнями. И пока дверь закрывалась, отсекая этот вой, ей на мгновение показалось, что она и есть этот ветер — бесприютный сквозняк, занесённый в чужие коридоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.